

Когда за спиной захлопнулась железная дверь центра надзора, Цзи Юань сжимала в руке судебное решение — края бумаги от её пальцев пошли складками. Ни один цент из пятисот тысяч компенсации не был списан, мать Ся заключили под стражу за отказ исполнять обязательства, часть семейных активов заморозили, а международный розыск её матери продолжался. Единственной «поблажкой» было разрешение временно выйти из-под стражи, чтобы собрать деньги, однако им строго запретили любой оплачиваемый труд — даже тайная расчистка снега или переноска грузов теперь оказались под запретом.

Ся, плетущаяся следом, понуро опустила крылья. Её голос дрожал от слёз:

— Мы же можем хотя бы собирать мусор? Это ведь не считается нарушением закона? Я только что спрашивала полицейских, они сказали, что сбор вторсырья — это тоже завуалированное получение дохода. Если поймают, назначат дополнительный штраф...

Цзи Юань молчала. В её голове крутилась цифра пятьсот тысяч, а ещё ежедневная плата за проживание в тюрьме в три тысячи и расходы на лечение рабочих. Они напоминали птиц с подрезанными крыльями, у которых не было права даже на низкий полёт. Когда они проходили по пешеходному мосту в центре уезда, ледяной ветер, подхватив снежную крупу, хлестнул по лицу. У перил столпилась компания, грызущая семечки; люди указывали пальцами на лед внизу. Прошлой зимой кто-то прыгнул с этого моста, но не утонул, а просто сломал ноги о ледяную корку.

— Я сейчас вернусь, — внезапно остановилась Цзи Юань. Вырвавшись из хватки Ся, она быстрым шагом подошла к ограждению. Под мостом блестела толстая ледяная гладь, холодная и прозрачная, словно гигантское стекло. Толпа заметила неладное, кто-то крикнул с насмешкой:

— Эй, девчонка, не вздумай глупости делать! Лед там твердый как камень, не убьешься, так калекой останешься!

Цзи Юань не слушала. В голове билась лишь одна мысль: если умереть, не придется думать о пятистах тысячах, не придется тянуть за собой Ся, ждать ареста матери и мерзнуть здесь, в уезде Шаньнань, терпя унижения. Она взобралась на перила. Холодный ветер ворвался за шиворот, заставив её вздрогнуть, но это лишь укрепило её решимость.

— Цзи Юань! Слезай! — Ся бросилась к ней, пытаясь ухватить за руку, но та оттолкнула её.

— Оставь меня! — голос Цзи Юань сорвался на крик отчаяния. — У нас нет выхода! Мы не сможем вернуть пятьсот тысяч, даже сбор мусора под запретом, мою мать объявили в розыск, твою мать посадили... Лучше я умру, вам станет хоть немного легче!

Едва закончив фразу, она, зажмурившись, шагнула вниз. В ушах звенел испуганный гул толпы, а затем тело с глухим ударом врезалось в лед. Вместо ожидаемого утопления пришла пронзительная, острая боль в ногах, словно тысячи игл вонзились в кости. Она свернулась калачиком, сознание начало меркнуть, и последнее, что она видела, — это Ся, бросающуюся на лед и сквозь слезы выкрикивающую её имя.

Очнулась она уже в палате уездной больницы. Ноги были закованы в гипс, любое движение отдавалось невыносимой болью. Вошла медсестра и положила на тумбочку счет:

— У вас трещина левой голени и ушиб правой. Лечение и пребывание в стационаре обойдутся в четыреста монет доудин. Постарайтесь оплатить как можно скорее.

— Четыреста... — глядя на квитанцию, Цзи Июань вдруг рассмеялась, хотя по щекам текли слезы. Она хотела покончить со всем этим, но не умерла, а лишь добавила к своим долгам ещё четыреста монет. А ведь есть ещё те пятьсот тысяч и тюремные расходы — долг рос, как снежный ком.

Ся сидела у кровати с красными от слез глазами. В руках она сжимала несколько помятых бутылок и банок.

— Я только что тайком подобрала их в больничной мусорке. Бутылка стоит ноль целых одну сотую монеты, банка — ноль целых четыре сотых. Я посчитала: двадцать три бутылки и одиннадцать банок, это выходит ноль целых шестьдесят семь сотых... А ещё я нашла во дворе немного лома, примерно два фунта, это еще ноль целых пять десятых. Итого — одна целая семнадцать сотых монеты.

Цзи Июань смотрела на этот мусор в руках Ся, и сердце её сжималось от жалости и боли. Ся прекрасно знала, что за сбор вторсырья могут арестовать, но всё равно рискнула, лишь бы собрать хоть немного денег. Цзи Июань протянула здоровую руку и осторожно коснулась крыла подруги:

— Прости... Я не должна была прыгать, не должна была заставлять тебя так волноваться.

— Хорошо, что поняла, — Ся положила находки на край кровати и достала печеную батати-патат, которую только что выпросила у тетушки в больничной столовой. — Поешь. Врач сказал, что тебе нужно хорошо восстанавливаться, иначе останутся осложнения. Даже если мы будем собирать мусор, даже если одна бутылка стоит всего одну сотую монеты — будем собирать понемногу, глядишь, и наберем.

Цзи Июань взяла батат, тепло еды согрело её озябшие руки. Она посмотрела на мусор у изголовья, на решительный взгляд Ся, и вдруг её недавние мысли показались ей нелепыми. Умереть легко, но жизнь, какой бы тяжелой она ни была, имеет смысл, пока рядом Ся, пока есть эта крошечная надежда. Даже если одна бутылка стоит копейки, если фунт меди — четверть монеты, если они будут упорно собирать и копить, однажды они увидят свет в конце пути.

— Как только ноги заживут, будем собирать вместе, — Цзи Июань откусила кусочек, голос её дрожал, но в нём пробивалась стальная решимость. — Даже если нас поймает полиция, даже если будет очень тяжело, мы вынесем это вместе.

Ся кивнула, её глаза засияли, словно она увидела впереди мерцающий огонек. За окном палаты продолжал идти снег, но внутри, благодаря печеному батату, кучке собранного мусора и вновь обретенной решимости, стало немного теплее. Они знали: впереди ещё долгий и

трудный путь, долги будут давить на плечи, словно горы, а за сбор мусора могут в любой момент арестовать. Но пока они вместе и готовы бороться за жизнь, рано или поздно они всё преодолеют.

<http://bllate.org/book/19435/1903961>